

к на дружину взятю
для "таблетки снот".

393

Вас.
Федина, 2/VI

Федина, 2/VI

2/VI

394

395

Широко нашивать на правой
рукави, ушески книзу, ушески
нашивать изгиба локтя.

Г. А. Федина

Г. А. Федина

АЛЬМАНАХ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

ВОЕННЫЙ СБОРНИК

ВОЕННЫЙ СБОРНИК

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ
ПО РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
ДО 1917

МОСКВА
2004

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Каинов

Древнерусский дружинник второй половины X века
Опыт реконструкции6

Александр Малов

Служилый город XVII века: пензенские знамена
Из истории строительства и обороны
степных границ12

Александр Кибовский

Портрет секунд-майора Г.Ю.Лесли. 1749
Драгун или кирасир?.....24

Вадим Егоров

«По доброму старанию полковых командиров...»
О мундире на портрете Г.Ю.Лесли
Вторая треть XVIII века27

Приложения: заметки об Австрийском походе 1748
и драгунском мундире 1730–1750-х годов33

Вадим Егоров, Кирилл Татарников

Олег Леонов
«Одежда, наиболее приспособленная к климату...»
Потемкинский мундир 1783–179646

Михаил Преснухин

Армия Суворова в Италии и Швейцарии. 1799
Очерки походного быта62

Александр Валькович

Бородино 1812: свидетельства участников
Воспоминания, документы, комментарии73

Сражение при Бородине 1812 года августа 26 дня
Литография С.П.Шифляра по рисунку с натуры
А.И.Дмитриева-Мамонова. 1822
Комментарий Александра Вальковича75

Битва при Москве-реке 7 сентября 1812
Автолитография А.Адама по рисунку с натуры
Комментарий Алексея Васильева75

На поле битвы при Москве-реке перед Семеновской
7 сентября 1812
Литография Э.Эммингера по рисунку
Х.В.Фабер дю Фора
Комментарий Алексея Васильева,
Юрия Бабыяка80

Граф Воронцов: «Дивизия, которою я командовал,
совершенно уничтожена...»
Предисловие и примечание
Александра Капитонова81

Солдат Тихонов: «Храбр француз, да уж очень нежен...»
Предисловие и примечания
Александра Вальковича82

Генерал Шарьер: «Это дело дорого стоило полку...»
Перевод и комментарии
Алексея Васильева84

Лейтенант Дютейе де Ламотт: «На редут, идем на редут!»
Перевод и комментарии
Алексея Васильева85

Капитан Брандт: «Мы были буквально засыпаны ядрами
и гранатами...»
Уточненный перевод и комментарии
Алексея Васильева87

Александр Кибовский

Легион Императора Николая I
Греческие волонтеры в Крымскую войну
1853–185696

Владимир Пономарев

«Слово «защитный» звучит постыдно...»
К вопросу о введении в войсках защитного
обмундирования102

Валентин Юшко

«По обстоятельствам военного времени...»
Варианты полевой формы одежды в годы Великой войны
1914–1917107

Дмитрий Иванов

«Рожденный на заре свободы — за нее умрет...»
Части смерти в русской армии 1917113

Военная история — специфическая область научных знаний. Самые драматические моменты прошлого и настоящего человечества приходятся, как правило, на годы войн и военных противостояний, во многом определяя будущее. Для Российского государства, в силу его геополитического положения и особенностей развития, военная составляющая всегда имела первостепенное значение.

Перед Вами, уважаемые читатели, редкий по своей содержательности труд, в основе которого — по большей части неопубликованные архивные документы. Задача авторов — представить в конкретных тематических сюжетах сложнейшую ткань существования старой русской армии, показать ее без стереотипов и мифологических штампов. Именно подобные издания задают профессиональный уровень работы с первоисточниками и подачи материала, являясь хорошим ориентиром для начинающих исследователей и стимулом для искушенных коллег.

Директор Российского государственного военно-исторического архива И.О.Гаркуша

Главный редактор **Вадим Егоров**

Редакторы-корректоры **Кирилл Татарников**
Роман Смирнов

Техническое обеспечение **Сергей Грибанов**

Координатор **Алексей Литвин**

В подборе материалов и работе над сборником принимали участие:

Александр Аверьянов, Татьяна Бурмистрова
Алексей Васильев, Валерия Васильева, Валерий Дуров
Дмитрий Иванов, Александр Канунников
Александр Капитонов, Андрей Карашук, Игорь Комаров
Лариса Коровина, Андрей Кутяев, Сергей Львов
Сергей Нелипович, Александр Несслер, Василий Новоселов
Владимир Пономарев, Сергей Пушкин, Людмила Селицкая
Борис Степанов, Михаил Тимофеев, Ирина Шилова

Отдельное спасибо художнику-реставратору высшей квалификации отдела рукописей Государственного научно-исследовательского института реставрации **Ирине Шараповой**, без помощи которой публикация ряда документальных памятников была бы невозможна.

Сканирование, компьютерная обработка и верстка иллюстраций: **Сергей Грибанов, Вадим Егоров**
Денис Жуков

Компьютерная верстка текста: **Анна Речкунова**
Вадим Егоров, Денис Жуков

Фото: **Валентин Замжицкий, Владимир Бойко**

При технической поддержке Группы компаний «Релиз»

При содействии Российского государственного военно-исторического архива

© **Егоров В.И.** (концепция, научное редактирование, иллюстративный ряд, дизайн и макет)

© **ВОЕННЫЙ СБОРНИК**

ISBN 5-902325-03-1

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77-14585. Воспроизведение всех материалов, опубликованных в настоящем сборнике, или их части, возможно только с письменного разрешения редакции. Работы, в которых используются материалы «Военного сборника», обязательно должны иметь ссылку на соответствующую публикацию.

e-mail: hushhush@mtu-net.ru

Редакция будет благодарна всем, кто поделится своими отзывами и предложениями относительно любых аспектов содержания и художественного оформления сборника, а также укажет на замеченные ошибки, неточности и опечатки.

На с.2 и 127 представлены образцы делопроизводственной документации РГВИА и его предшественников — Военно-топографического депо, Московского отделения общего архива Главного штаба etc.

В июне 1998 наш редакционный коллектив почти в том же составе осуществил издание первого (пилотного) номера альманаха «Военная иллюстрация». Не все формальности были тогда соблюдены: в частности, было решено ради первого случая не тратить время и деньги на регистрацию названия, но бросить все ресурсы на качество макета и полиграфии. Экономический кризис, последовавший в августе того же года, разрушил или существенно изменил многие издательские проекты. От идеи периодического издания нам пришлось отказаться. Данный сборник, хотя и является логическим продолжением своего предшественника, имеет собственное название, поскольку, как выяснилось, марку «Военная иллюстрация» юридически закрепил за собой г-н Роберто Паласиос-Фернандес.

Комментировать данный казус бессмысленно. Мы, конечно, желаем новому владельцу удачного названия и его сподвижникам настойчивости и творческих успехов, но считаем необходимым пояснить, что к выпуску первого номера «Военной иллюстрации» г-н Р.Паласиос-Фернандес отношения практически не имел. На изначальном этапе работы его участие ограничилось лишь созданием рисунка, помещенного на 14-й странице, а также несколькими предложениями относительно макета, которые впоследствии не были использованы. Со своей стороны уверяем, что не имеем никакого касательства к издательским проектам г-на Р.Паласиос-Фернандеса.

Пользуясь случаем, мы также указываем на ошибки, допущенные в первом номере альманаха:

Егоров В.И. Русские великаны прусского короля. 1712–1746. В сноске 19 (с.17) вместо: №12/36, следует читать: № 312/36. В той же публикации была приведена краткая справка об истории прусской гвардейской пехоты при короле Фридрихе Вильгельме I: в частности, указывалось, что один из полков именовался *Weissen* (Белый) или *Füsiler Leibgarde*. Некоторые документы российской Военной коллегии позволяют внести в это название дополнительные штрихи.

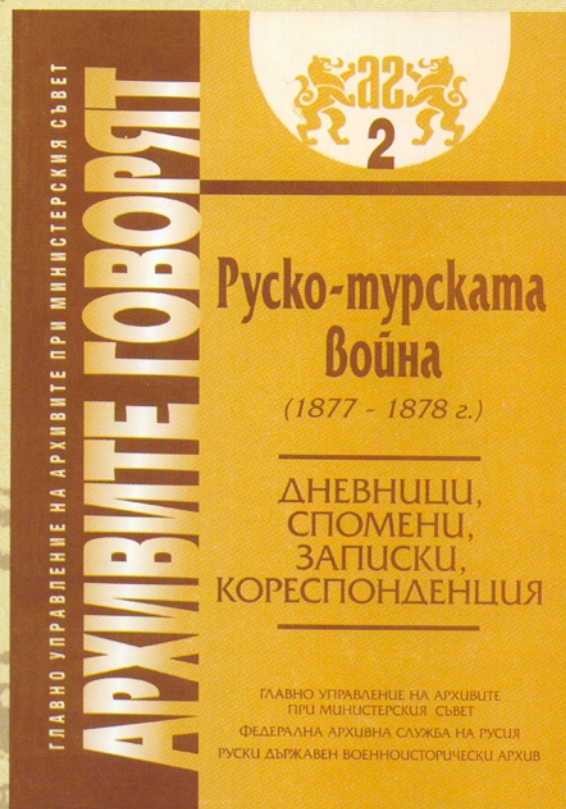
В 1719 коллегия рассматривала дело даточного солдата Тихона Михайлова — с 1700 он служил в пехотном полку Юрия Буша (Азовском); в 1714 купно с 80 товарищами был отправлен в Берлин, где служил в «гранодерской роте» около полугода и затем был уволен по болезни обратно в Москву. В деле сохранился подлинный «апшит» (свидетельство об отставке), подписанный 26 сентября 1714 Давидом Готлибом фон Герсдорфом — генерал-майором от инфантерии и полковником «Белой гренадерской гвардии» (*Weissen Grenadier Garde*) — и удостоверяющий, что гренадер Михайлов служил в лейб-роте (*Leibcompagnie*) этого полка, «как честному и доброму солдату надлежит». См.: РГВИА. Ф.2. Оп.1/1 ч.1. Св.8. Д.68.

Вадим Егоров

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) — крупнейшее и основное хранилище военно-исторических документов, один из старейших архивов страны. Он находится в Москве и размещается в здании, являющемся памятником архитектуры XVII–XVIII веков — Дворце Петра I на Яузе, который также известен как Лефортовский дворец.

Архив сложился в 1920-е годы в результате объединения материалов нескольких ведомственных военных архивов дореволюционной России: Военно-ученого (1797), Лефортовского (1819), Московского военно-окружного (1860-е) и Центрального хранилища военно-исторических дел действующей армии (1914).

В настоящее время в РГВИА хранится свыше 13.000 фондов объемом более 3.000.000 дел, отражающих историю вооруженных сил России со времени создания регулярной армии Петром I (конец XVII века) до ее расформирования весной 1918. В их числе планы сражений и походные карты, фортификационные чертежи, журналы военных действий, послужные и наградные списки офицерского корпуса, личные документы военачальников...

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

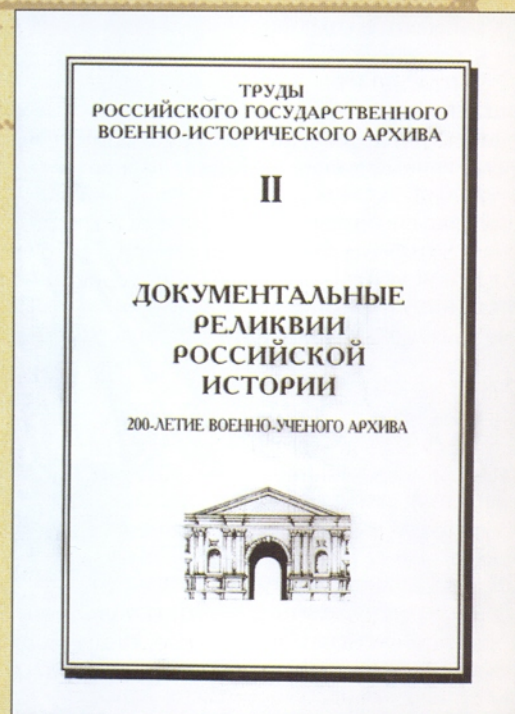
Документальные реликвии российской истории. 200-летие Военно-ученого архива. М., 1998. Труды РГВИА. Вып. II. 288 с.
Сборник посвящен возникновению первого в России военно-исторического архива. Созданная в 1797 как Собственное Е.И.В. Депо карт и преобразованная впоследствии в Военно-ученый архив, коллекция документов составляет сегодня старейшую часть РГВИА. В статьях сборника отразился разнообразный характер документального комплекса, содержащего материалы по истории российской государственности, внутренней и внешней политики, вооруженных сил и войн, науки, культуры и экономики от Петра I до начала XX века.

Русско-турецкая война 1877–1878. Дневники, воспоминания, записки, корреспонденция. София, 1998. 288 с.

Совместный российско-болгарский сборник включает в себя записки генерал-фельдмаршала И.В.Гурко, дневник генерала от инфантерии П.Д.Зотова, биографический очерк А.Н.Куропаткина о генерале М.Д.Скобелеве и другие документы, многие из которых опубликованы впервые.

Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. М., 1999. 1104 с.

Имя Александра Федоровича Редигера (1853–1920), военного министра России 1905–1909, профессора Николаевской академии Генерального штаба, мало знакомо широкому читателю. Между тем Редигер — крупный государственный деятель, стоявший во главе военного ведомства в один из самых сложных периодов российской истории. Его воспоминания — выдающийся образец принципиальной, смелой и одновременно взвешенной оценки, как обстоятельств собственной жизни, так и важнейших исторических событий, включая характеристики людей, игравших в этих событиях ведущие роли.

ДРЕВНЕРУССКИЙ ДРУЖИННИК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X ВЕКА

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Сергей Каинов

Соавтор реконструкции Олег Федоров

Процесс формирования древнерусской дружинной культуры, происходивший одновременно со сложением государства Древняя Русь, отразил многие политические, социальные и этнические реалии конца IX — начала XI веков. При первом же знакомстве с комплексом предметов вооружения того времени бросается в глаза многообразие категорий и типов вещей, совершенно не характерное для более поздних периодов. Объяснение этому во многом кроется в сложных этнических процессах на территориях, вошедших в состав древнерусского государства, к тому же расположенных в разных ландшафтных зонах.

Славянские племена, заселявшие большую часть будущего государства, в военно-техническом отношении были слабы. Их вооружение в основном ограничивалось топорами, наконечниками копий и стрел. Эта ситуация радикально изменилась с проникновением на древнерусские земли скандинавов, называемых в письменных источниках «русами». Они привнесли на восточно-европейскую территорию прогрессивные для того периода предметы вооружения и, приняв непосредственное участие в образовании государства, составили наиболее профессиональную часть войска Древней Руси.

В начальный период существования «русское» войско отличалась одна особенность — практика исключительно пешего боя. Многочисленные подтверждения тому можно найти в арабских и византийских письменных источниках:

Ибн Русте (начало X века): «*Русы мужественны и храбры. Когда они нападают на другой народ, то не отступают, пока не уничтожат. Ростом они высоки, красивы собой и смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях*».

Лев Диакон (X век): «*Скифы (в данном случае имеются в виду русы — С.К.) сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле*».

Ибн Мискавейх (X—XI века): «*Сражаются они (русы — С.К.) копьями и щитами, опоясываются мечом и привешивают дубину и оружие, подобное кинжалу. И сражаются они пешими, особенно эти прибывшие [на судах]*».

Коней русы рассматривали только как средство передвижения и не использовали их в бою. Тем более, что в интересующий нас период в Европе были распространены преимущественно малорослые (около 130 см в холке) породы лошадей, явно не способных вынести в бою всадника в полном вооружении.

Однако, всё возрастающая агрессия молодого древнерусского государства, направленная в основном на Юг, приводила к кровопролитным конфликтам с такими могущественными государствами того времени, как Хазарский каганат и Византийская империя, войска которых располагали конницей. Ведение военных действий против мобильных отрядов всадников-степняков или тяжеловооруженной конницы византийцев значительно осложнялось отсутствием собственных конных воинов.

Эта проблема отчасти решалась путем заключения союзных договоров с отдельными кочевническими ордами. Так, в походе князя Игоря на Византию (944) его союзниками выступали печенеги. Князю Святославу во время военной кампании против Болгарии и Византии помогали печенеги и венгры.

Предположительно, в середине X века предпринимаются первые усилия по созданию собственной конницы. Как сообщает византийский император Константин Багрянородный, русы покупали у печенегов лошадей, по всей видимости, специально выезженных. Есть также сведения о покупке седел и узд у чехов в Праге.

А в 996 великий князь Владимир ввел в законодательство особые штрафы, которые шли на закупку лошадей и оружия.

Одна из первых попыток русов попробовать свои силы в сражении верхом на лошадях была предпринята в битве под Доростолом в 971: «*Вышли они, выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились верхом на лошадях; в предшествующих же сражениях бились пешими*». Но эта попытка закончилась плачевно: «*...romeи (византийцы — С.К.) обратили варваров (русов — С.К.) в бегство своей доблестью и, прижав к стене, многих перебили в этой стычке и всего более — всадников*».

И хотя первые неудачи не остановили русов, собственной конницы им по-прежнему не хватало, так что практика привлечения конных отрядов степняков продолжилась и в дальнейшем — в 985 в походе князя Владимира против Волжской Болгарии участвовали торки; в 1023 князь тмутараканский Мстислав «*поиде ... на Ярослава с козари и с касоги*», а с конца XI века в качестве федерата Древней Руси существовало объединение кочевнических орд — «Черноклобуцкий союз» (черные клобуки).

Кочевники входили и непосредственно в состав древнерусских дружин. Так, под 1015 годом в «*Повести Временных лет*» упоминаются Еловит и Гюрасер (тюркские имена), которые были дружинниками Святополка Окаянного и принимали участие в убийстве князей Бориса и Глеба.

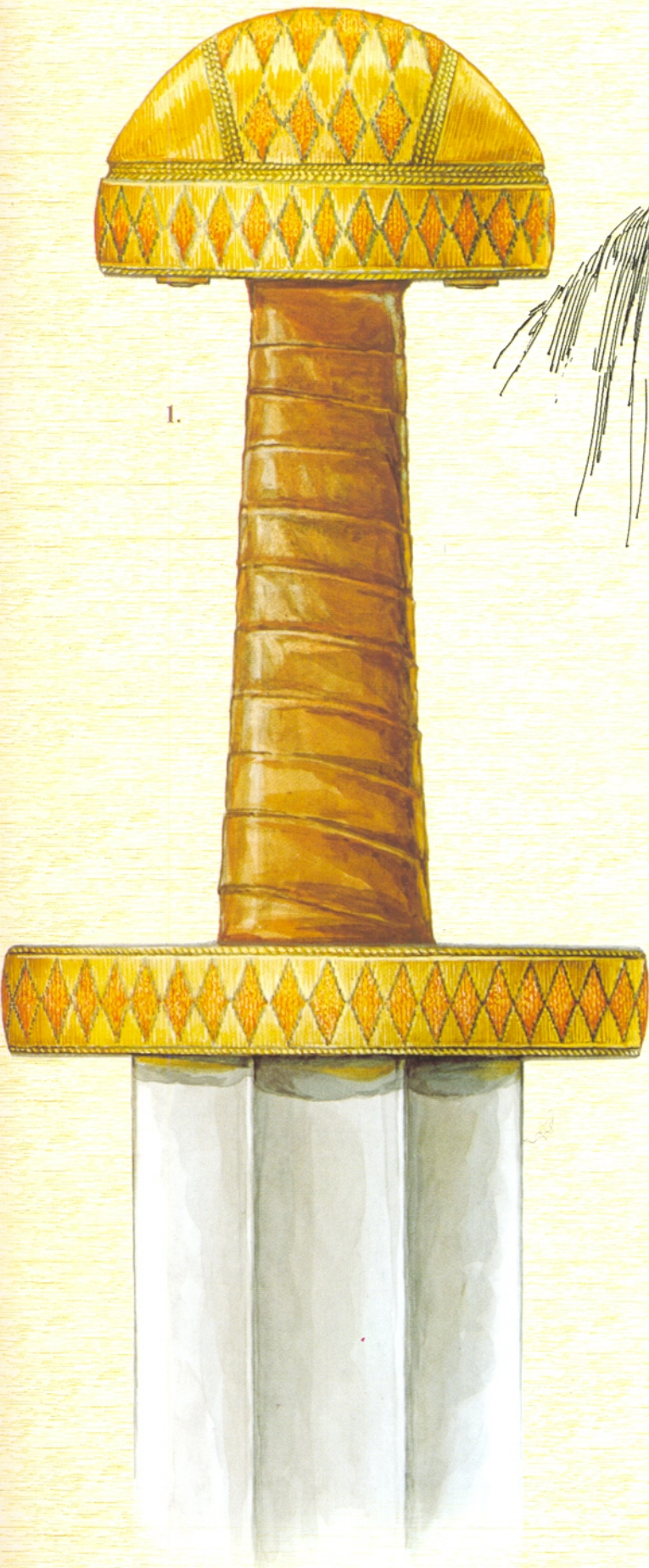
Несомненно, что тесное боевое содружество со степняками не прошло даром для древнерусских воинов. Перенимая навыки боя верхом на лошади, они заимствуют и многие предметы (в том числе оружие и одежду), характерные именно для «всаднических» культур. Так на Руси распространились сфероконические шлемы, сабли, кистени, сложные луки, наконечники копий типа пик, кафтаны, набортные пояса, сумки-ташки и многие другие вещи, связанные со снаряжением и убранством коня. Надо отметить, что и боевой конь, и снаряжение всадника стоили в то время очень дорого, так что владеть ими могли только состоятельные воины-дружинники.

Яркое подтверждение этому процессу предоставляют данные археологии. В разных местах, имевших в X веке важное военно-административное и торговое значение, найдены погребения древнерусских дружинников, содержащие как европейские, так и «восточные» (всаднические) предметы вооружения и одежды.

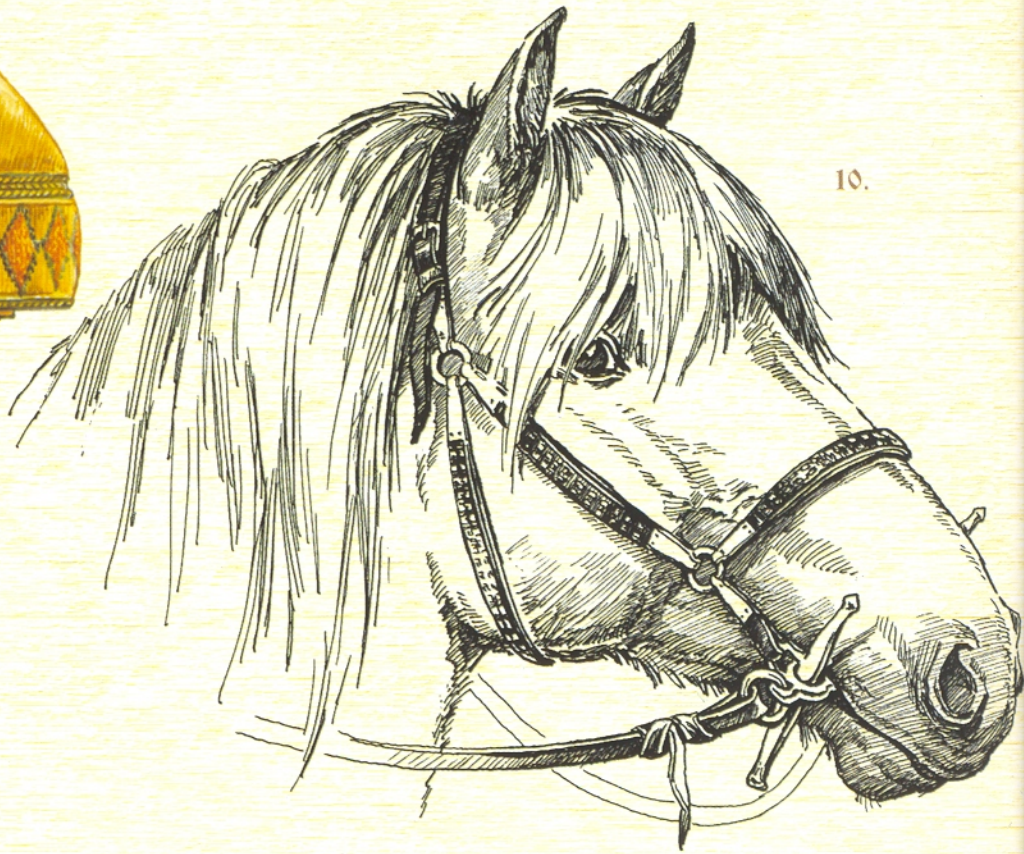
Предлагаемая вниманию читателя реконструкция основана на одном из погребений Гнёздовского археологического комплекса памятников, расположенного близ Смоленска и бывшего одним из важнейших пунктов на пути «из Варяг в Греки». За более чем вековой период изучения Гнёздова там раскопано свыше тысячи курганов, что позволило собрать богатейшие научные сведения о материальной культуре древнерусского общества конца IX — начала XI веков. Выбранный нами комплекс погребения отличается богатством инвентаря, сопровождающего покойного, а также сохранностью некоторых предметов одежды.

ОРУЖИЕ

Меч. Найденный в погребении меч по типологии норвежского исследователя Я.Петерсена относится к типу V. Все детали рукояти украшены инкрустированными проволочками из разных металлов, образующими нарядный полихромный узор. Перекрестие и основание навершия орнаментированы двумя рядами золотых треугольников, между которыми расположены ромбы, vyplненные из медно-золотых «косичек». Подобную же схему орнаментации имеет центральная часть головки навершия, а ее боковые части полностью забиты золотом. Можно представить всю

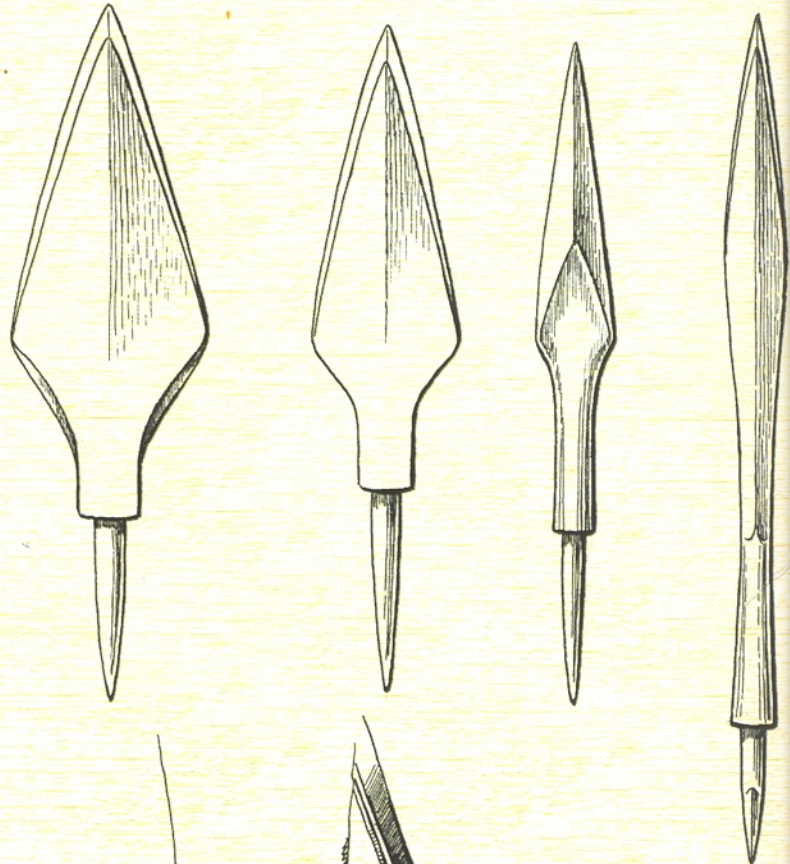

1.

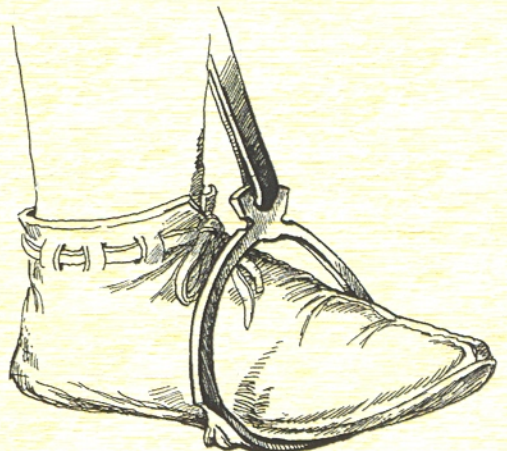

10.

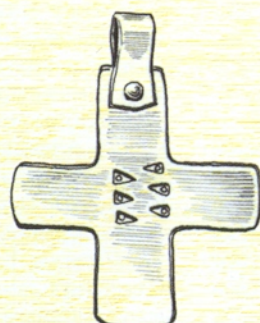
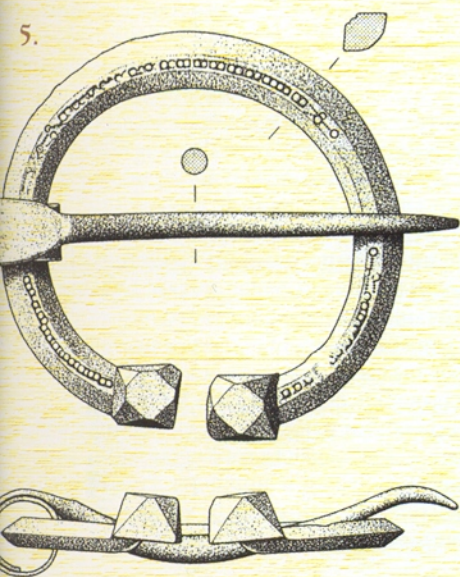
2.

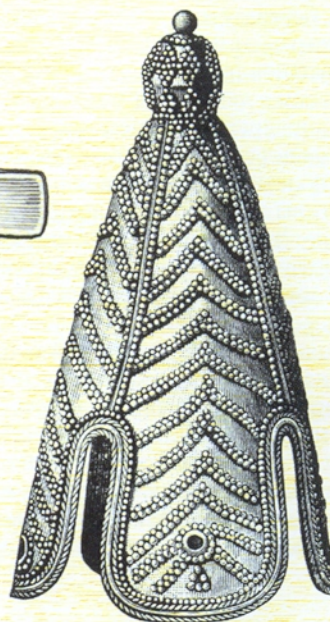
11.

Рисовал Олег Федоров

7.

трудоемкость процесса инкрустации (а, следовательно, и цену этого оружия), если плотность забивки поверхности деталей рукояти составляет три проволочки на 1 мм (!).

Клинок сохранился довольно плохо, но всё же можно указать основные размеры меча: общая длина — 85 см, длина клинка — 69 см, ширина клинка у перекрестия — 6 см, а в семи сантиметрах от конца клинка — 3,5 см. Центральную часть клинка занимал дол шириной около 2,5 см (илл. 1).

На клинке сохранились остатки ножен, по которым можно реконструировать схему их изготовления. Нижний слой состоял из шкуры, вывернутой мехом к клинку; затем располагался тонкий слой дерева, снаружи покрытый кожей или материей. Мех смазывали салом для предохранения клинка меча от ржавчины. Нижний конец ножен иногда снабжался бронзовым наконечником, но в данном погребении он отсутствует. Изображения на ряде европейских миниатюр, в сочетании с археологическими находками, позволяют предположить простую обмотку конца ножен кожаным ремешком (вместо наконечника). Изображенная на реконструкции португя (от которой в погребении найдена небольшая железная пряжка) предполагает вертикальное ношение меча на плечевом ремне. Ремешок на устье, как свидетельствуют скандинавские саги, фиксировал меч в ножнах.

Копье. О наличии в погребении копья можно судить по находке железного копейного наконечника. По форме он относится к так называемым «ланцетовидным» наконечникам, широко распространенным в «эпоху викингов» в Северной Европе, а также в северо-западном регионе Древней Руси. Длина наконечника около 40 см, наибольшая ширина лезвия и ширина втулки — 3 см. Длина древка подобного копья, по-видимому, не превышала двух метров.

Топор. Найденный в погребении топор относится к типу топор-чеканов. Он имеет трапециевидное лезвие, а обух снабжен узким пластинчатым выступом. Общая длина топора около 15 см, а наибольшая ширина лезвия — 6,5 см. Самые древние образцы подобных топоров найдены в кочевнических погребениях в Башкирии. В X веке, несколько видоизменившись, наибольшее распространение они получают в Древней Руси, откуда затем единичные экземпляры попадают на территорию Швеции, Польши, Латвии и других стран. Судя по некоторым восточным изображениям и ряду археологических находок, длина деревянных рукоятей топоров-чеканов могла достигать 70–80 см. Иногда рукоять снабжалась темляком. Во время походов, в целях безопасности и сохранения лезвия от ржавчины, топоры носили в кожаных или матерчатых проволочных чехлах.

Лук. Стрелы. Колчан. Из метательного вооружения в погребении найдены только пять железных наконечников стрел. Один из них имеет перо ланцетовидной формы (что характерно для скандинавских наконечников стрел), два — ромбовидной и один — вытянутой подтреугольной формы (пятый наконечник сильно фрагментирован). Древки стрел изготавливались из прямослойных пород дерева — таких, как сосна, береза, ясень и проч. Их длина колебалась от 60 до 80 см, а диаметр — от 0,6 до 1 см. Черешки наконечников стрел вставлялись в расщепленный или специально рассверленный торец древка, а затем это место обматывалось тонким слоем бересты. На другом конце древка при помощи клея, жил или конского волоса крепилось оперение, которое служило для придания стреле устойчивости в полете. Под оперением на торце крепилось ушко с вырезом для тетивы лука. Компактное расположение наконечников стрел позволяет предположить, что они находились в колчане, который был изготовлен, судя по отсутствию металлических деталей, только из органических материалов — кожи, дерева, бересты и т.п. (илл. 2).

Возможно, что в погребении находился и лук. Очень короткий черешок (около 2,5 см) одного наконечника стрелы, скорее всего, свидетельствует об использовании простого лука, то есть изготовленного из целого куска дерева и не имевшего костяных или роговых накладок. Дело в том, что сложные луки имели значительную силу натяжения, а, следовательно, и убийную силу. Короткие же черешки стрел обеспечивали достаточно слабое крепление наконечника на древке, что позволяет усомниться в возможности их

употребления при стрельбе из сложносоставного лука. Наше предположение подтверждает и тот факт, что в Скандинавии, где как раз и были распространены простые луки, подавляющее большинство стрел имели короткий черешок. Степные же народы использовали в основном сложносоставные луки, а черешки наконечников их стрел по большей части имеют значительную длину.

ОДЕЖДА

Об этом явлении материальной культуры IX–X веков, основываясь на данных археологии, можно сказать относительно немного. Только привлечение письменных и изобразительных источников позволяет с определенной долей условности реконструировать те или иные детали одежды представителей воинского сословия того времени.

Кафтан. Погребение, выбранное нами для реконструкции, — одно из немногих, где сохранились фрагменты одежды X века. Здесь была найдена верхняя часть кафтана, представляющая собой два ряда тесно расположенных золототканых шелковых орнаментированных нашивок — по 24 с каждой стороны от застежки. Это не что иное, как известные по более поздним образцам одежды «разговоры». Ряд нашивок на правой поле заканчивается закрепленными на шнуточках бронзовыми пуговками, а левый ряд — петельками. Все пуговицы имеют гладкую поверхность, за исключением верхней — рубчатой (илл. 3).

Кафтан, как тип одежды, несомненно, был заимствован русами у кочевников. Сам покрой его как раз приспособлен для верховой езды. Хорошо сохранившиеся образцы аланских кафтанных IX века, найденные на Северном Кавказе, дают представление о системе кроя этого типа одежды. Аланские кафтаны, в зависимости от богатства владельца, изготавливались из шелка (византийского, китайского и согдийского) либо из льна. Некоторые кафтаны подбивались мехом — подобный способ утепления изображен на одной из болгарских миниатюр XI века (илл. 4).

Более суровые климатические условия на большей части территории Древней Руси (особенно в ее северных районах), а также дороговизна такого материала, как шелк, дают основание предполагать, что при шитье русских кафтанных могла использоваться шерстяная ткань. На нашей реконструкции показан кафтан из шерстяной ткани, орнаментированной в технике набойки черной краской. Арабский путешественник и географ X века Ибн Фадлан, описывая похороны знатного руса, в частности, говорил: «Итак, они надели на него шаровары, и гетры, и сапоги, и куртку, и кафтан парчовый с пуговицами из золота (! — С.К.), и надели ему на голову шапку из парчи, соболевую».

Помимо Гнёздова, подобные кафтанные «нагрудники» из тесно расположенных «разговоров» зафиксированы только в некоторых погребениях в древнерусском могильнике Шестовицы под Черниговом и в крупнейшем скандинавском могильнике «эпохи викингов» — Бирке. Наборы из нескольких десятков пуговиц — скорее всего, также от кафтанных — найдены и в погребениях по обряду трупосожжения в Седневском и Черниговском могильниках. В то же время нельзя указать прямые аналоги подобного типа «нагрудников», которые встречались бы в кочевнических памятниках. Аланские кафтаны, например, застегивались всего на несколько пуговиц. С определенной долей вероятности можно предположить, что русы, заимствовав у степных кочевников саму идею кафтана, изменили эту одежду в деталях.

Штаны. К сожалению, никакими прямыми свидетельствами о покрое штанов того времени авторы не располагают. Обращение к письменным и изобразительным источникам позволило показать на реконструкции штаны типа шаровар. О ношении русами таких шаровар — широких, собранных в сборку у колена, — упоминает, в частности, арабский историк начала X века Ибн Русте.

Обувь. Никаких остатков обуви в погребении не обнаружено. Воин на реконструкции одет в обычные для того периода ботинки-полусапоги. Также вполне допустимо и ношение заимствованных у кочевников сапог (выше они упомянуты в описании Ибн Фадлана). Зимой и в ненастье на обуви носили подковки в виде

обувных шипов, получивших в специальной литературе название «ледоходных». Подобные шипы использовались и для подковывания лошадей.

Плащ. Найденная в погребении бронзовая подковообразная фибула свидетельствует о наличии плаща (илл.5). Изображенный на реконструкции плащ, покрывающий один бок воина, описывается в своем сочинении Ибн Фадлан (там этот вид верхней одежды называется «*кисой*»). Возможно, плащ носили иным способом. В погребении фибула располагалась в области пояса сбоку от покойного — это позволяет предположить, что застегивали ее не на груди или плече, а сбоку под рукой (илл.6).

Шапка. Прямых свидетельств о присутствии в погребении головного убора нет. Только возле головы покойного найдено несколько пуговиц, аналогичных пуговицам на кафтане и, возможно, относящихся к шапке. Представленный на нашем рисунке головной убор является реконструкцией «*русской меховой шапки*», известной по скандинавским сагам. В Бирке в двух погребениях найдены серебряные, украшенные сканью и зернью, конические колпачки (илл.7), которые трактуются как окончания головных уборов колпакообразной формы с меховой оторочкой. По мнению некоторых шведских исследователей, именно так выглядела «*русская шапка*», изготовленная мастерами Киевской Руси. Сама форма шапки, скорее всего, принадлежит кочевническим культурам — об этом, в частности, свидетельствуют колпачки, аналогичные происходящим из Бирки, но украшенные в другой технике и найденные в Венгрии (илл.8).

Возможно, что именно такую колпаковидную шапку описывали некоторые арабские писатели: «*Они (русы — С.К.) имеют обыкновение носить шерстяные шапки со свесившимся хвостом по затылку*» (вариант перевода — «*спуская вниз за затылком конец*»). Ибн Фадлан упоминает парчовую шапку, отороченную соболем (см. выше). «*Русская*» шапка, изображенная на реконструкции, оторочена лисьим мехом и заканчивается кожаным колпачком. Расположенные по вертикали пуговицы как бы продолжают ось, образованную пуговицами кафтана.

Из других предметов, содержащихся в погребении, следует отметить остатки поясной сумки в виде пятна коричневого тлена размером 18 × 19 см и нескольких бронзовых бляшек, некогда украшавших сумочную крышку и запирающий ремешок. Подобные сумки-ташки нередко встречаются в древнерусских погребениях X века. Их также считают заимствованными у кочевников, скорее всего, венгров. Некоторые лучше сохранившиеся образцы сумок позволили нам реконструировать ее внешний вид на рисунке. Внутри сумочки хранились оселок (точильный камень) и кресало калачевидной формы для высекания огня. Никаких остатков пояса в погребении не зафиксировано.

На груди покойного, поверх кафтана, находилась серебряная подвеска-крестик, свидетельствующая о том, что ее владелец был христианином (илл.9). Также следует отметить находку двух боченковидных омедненных гирек, которые использовались для взвешиваний при торговых операциях. В ногах погребенного был положен конь. Из снаряжения верхового коня найдены железные двусоставные удила с псалиями (илл.10), стремяна (илл.11) и остатки украшения упряжи.

Заканчивая на этом описание погребального инвентаря, обратимся к самому погребению. Оно было совершено в камере — большой подпрямоугольной яме с деревянными срубными или столбовыми конструкциями внутри. Подобный обряд, пришедший на Русь из Скандинавии, довольно широко представлен в Верхнем и Среднем Поднепровье, а также в Ярославском Поволжье. Именно в этих регионах находятся поселения, имевшие важное государственное значение, — такие, как Гнёздово, Шестовицы, Тимерёво, Чернигов. Распространение обряда захоронений в камерах (по большей части это погребения княжеских дружинников и членов их семей) связано с распространением на эти регионы власти киевских князей. Напомним, что именно в Киеве найдены одни из самых богатых камерных погребений.

Дендрохронологический анализ древесины конструкций камеры свидетельствует, что погребение было совершено около 975.

Это позволяет заключить, что похороненный в нем дружинник жил и сражался во времена князей Святослава и Ярополка.

Итак, в заключение можно сказать, что воинская материальная культура Древней Руси складывалась при отчетливом взаимодействии двух «традиций». Первая «традиция» связана с пешим боем. Ее носителями являлись, как народы, жившие на территории Древней Руси — славяне, финны, балты, — так и пришельцы-скандинавы, которые составляли наиболее профессиональную часть древнерусских дружин. Вторая «традиция» отразила влияние степного мира — мира всадников, носителей обычаев конного боя. Печенеги, венгры и другие кочевники, оставаясь одними из главных врагов древнерусского государства, в то же самое время зачастую выступали как его союзники и федераты, способствуя тем самым обучению русских дружинников навыкам конного боя и созданию собственной конницы Древней Руси.

Для каждой из названных «традиций» были свойственны присущие только ей предметы вооружения и снаряжения коня, одежды и украшений всадника. Но на землях Древней Руси обе «традиции» вошли во взаимодействие, на основе которого и сложился собственный древнерусский комплекс воинской материальной культуры. □

Авторы выражают благодарность начальнику Гнёздовской археологической экспедиции Пушкиной Т.А. за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы раскопок в Гнёздово.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова. // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Бдіфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. М., 1967.

Ибн Русте. Дорогие ценности. // Материалы по истории СССР. Вып.1. М., 1985.

Каинов С.Ю. Скандинавские наемники на Руси. Конец IX — середина XI веков. // Военная иллюстрация. № 1/1998.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли IX—XIII вв. М.-Л., 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып.2. Копья, сулицы, боевые топоры, кистени IX—XIII вв. М.-Л., 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. М.-Л., 1971.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. М.-Л., 1973.

Лев Диакон. История. М., 1988.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. М.-Л., 1966.

Михайлов К.А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси. // Новгород и новгородская земля. История и культура. Новгород, 1994.

Перхавко В.Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Двины. // Советская археология. 1979. № 4.

Петрухин В.Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории древнерусского государства. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993. М., 1995.

Повесть Временных лет. // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. СПб., 1997.

Saga о Гисли. // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Geibig A. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter. Offa-Bücher 71. Neumünster, 1991.

Petersen J. De norske vikingsverd. Christiania, 1919.

The Ancient Hungarians (Exhibition Catalogue). Budapest, 1996.

Предметы на иллюстрациях 1, 2, 3, 5 и 9 показаны в натуральную величину. Иллюстрация 5 изображает подковообразную фибулу, подобную найденной в рассматриваемом погребении.

СЛУЖИЛЫЙ ГОРОД XVII ВЕКА: ПЕНЗЕНСКИЕ ЗНАМЕНА

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ОБОРОНЫ СТЕПНЫХ ГРАНИЦ

Александр Малов

Городовые дворяне и дети боярские, казаки, станичные вожи, стрельцы, засечные сторожа, пушкарки, затинщики, воротники — вот далеко неполный список чинов городских служилых людей, которые составляют понятие «*служилого города*». По службе город делился на людей «*полковой*» и «*городовой*»¹ служб, а по правовому положению и отчасти обеспечению — на служилых «*по отечеству*» и «*по прибору*».² Служилыми «*по отечеству*» назывались служилые люди, поверстанные поместьями окладами, в том числе и не имевшие реального поместья. Считалось, что они несут службу «*с земли*», даже если правительство компенсировало бедность или вообще отсутствие поместья иными способами. Служба была наследственной, что отразилось в их обобщенном наименовании.

Служилые «*по прибору*», несмотря на свое название, также несли потомственную службу, переменить которую без специального на то указа служилый человек не мог. Старший сын в семье служилого «*по прибору*» обязан был наследовать службу отца; отступления допускались лишь для средних и младших сыновей и родственников не по прямой линии (дядей, племянников и т.д.). В период военных действий служилые «*по прибору*» находились на государственном обеспечении. В мирное же время они обеспечивали себя сами, для чего правительство предоставляло им различные льготы. Городовое «*приборное*» войско существовало за счет обработки пашенной земли и огородов, ремесел и торговли. Ремесло и торговля — основа экономической жизни московских стрельцов. Практически во всех городах стрельцкие, казачьи и пушкарские слободы стали крупными местными центрами ремесла и торговли. Вооружение, снаряжение и боеприпасы, как правило, выдавались «*приборным*» служилым людям из казны.

В отношении служилых «*по отечеству*» применялся более дифференцированный подход. Состоятельные помещики «*поднимались*» на службу своими силами; бедные же, если не служили в полках иноземного строя, то либо получали помощь от казны, либо складывались и выставляли одного конного воина от нескольких помещиков, либо вносили в казну определенную сумму — форму их службы всякий раз определяло правительство. Служилые «*по отечеству*» того или иного уезда объединялись в городскую служилую корпорацию. Представители городских служилых корпораций, написанные в полковую службу, с XVI века составляли основу полевой армии. По военному времени служилые люди полковой службы являлись на службу в назначенное указом великого государя место к «*указной*» дате. Там их расписывали в сотни, назначали «*голов*»³ и чаще всего выдавали на время похода из казны знамена.⁴ Ратные люди городской службы несли гарнизонную службу, выполняли полицейско-жандармские функции.

Каждый уездный город с приписанным к нему уездом имел свои особенности, свою историю. Положение центральных и других внутренних уездов существенно отличалось от окраинных, особенно по степной «*украине*». Здесь несли службы сторожевую и станичную, валовую и засечную; ходили «*в посылки*» на степных кочевников, ежегодно разорявших южную «*украину*» русского государства, отбивали у них русский полон. Порой, удавалось, и предупреждали разбой, громя хищников в степи еще на подходе к освоенным землям южнорусских уездов. Следует отметить, что в окраинных уездах служилые люди составляли значительную, а иногда и большую часть населения города и уезда. Военные реформы царя Алексея Михайловича по созданию армии нового строя внесли свои коррективы в состав городских служилых людей. Правительство, создавая полевую армию на совершенно но-

вых принципах, пыталось использовать этот опыт и для организации защиты и обороны пограничных регионов.

Воссоздание цельной реальной картины состояния и развития вооруженных сил России XVII века невозможно без детального изучения полного спектра вопросов, относящихся к истории армии, всех ее составляющих: управления, состава, комплектования, структуры, снабжения, обеспечения, вооружения и снаряжения. Среди перечисленных аспектов видное место принадлежит и военной символике, в первую очередь вексиллологии. Наша публикация представляет материал по истории знамен служилого города, вынесшего на своих плечах всю тяжесть военно-государственного строительства.

Введение в научный оборот новых источников по истории знамен служилого города сопряжено с разрешением ряда проблем; в первую очередь, это вопросы атрибуции знамен. Наши документы объединены географически. Первые два представляют знамена, под которыми городские ратные люди строили Пензенскую крепость и отбивали первые набеги кочевников на вновь учрежденный уезд. В третьем документе речь, скорее всего, идет о знаменах не собственно пензенцев, а достаточно крупного воинского соединения, защищавшего Пензенский уезд в момент казачьих разгулов Стеньки Разина на Волге и Дону. Для Пензы действия разинцев совпали по времени с интенсивными нападениями башкир, переправлявшихся из-за Волги.

В исторической науке, на фоне начинавшейся Разинщины, набеги кочевников, если они напрямую не были связаны с деятельностью лихого атамана, внимания ученых не привлекали. Незамеченными оказались и сообщения о появлении значительного воинского контингента в Пензе. По нашему мнению, подобная «слепота» историков связана с подведомственностью Пензы в этот период, отличной от окружающих уездов.⁵ Само же появление в новом городе сильного отряда (возможно, солдатского строя) мы соотносим с тем, что за год до того пензенские служилые люди понесли большие потери в боях с башкирами.

Наконец, четвертый публикуемый документ включает в себе ретроспективную информацию. Нельзя с полной уверенностью говорить о принадлежности описанных в нем полотнищ пензенским служилым людям, так как в Пензу они могли быть свезены из других уездных городов, вошедших в начале XVIII века в состав Пензенской провинции. Не меньше сомнений вызывают и их названия в документе — «*стрелецкое*» и «*драгунские*» знамена, «*значки стрелецкие*». Такое понятие, как *стрелецкий значок*, в документах XVII века не встречается, да и самих сведений, подтверждающих, что в Пензе были стрельцы, нам пока найти не удалось. Ниже мы рассмотрим возможность реконструкции внешнего вида знамен и дадим ей соответствующее обоснование.

Основной корпус документов по истории русских знамен до начала XVIII века опубликовал в 1865 в Синодальной типографии помощник директора Оружейной палаты Лукиан Яковлев в серии «*Древности российского государства*» в виде приложения к его же собственному исследованию о старинных русских знаменах.⁶ Яковлев, наверное, первым обратился к этой теме. Он типологически разделил старинные русские знамена на ряд групп: великих государей, большие полковые знамена, воеводские, сотенные, стрелецкие, полков иноземного строя, казачьи, прапоры значки, в рамках которых и изучал их.

Эти общие разделы содержали в себе более мелкие подразделы, включавшие сведения и о знаменах служилого города. Так